

ГЛАВА 1

Дороги превратились в сплошной лед. Брюнхвальд торопился и купил кованых плоскими, старыми подковами лошадей, поэтому их не гнали — чтобы ноги не переломали. Ехали медленно. Волков кутался от холодного ветра в свой старый плащ, толстый и теплый, и подшлемник с головы не снимал. Перчатки еще от дела в Фёренбурге у него остались, но больно тонкие, руки в них коченели.

Зима была холодной настолько, что даже большая река, которая катилась с юга, у берегов обмерзла. Вода в ней сделалась ледяная, темная.

Монахи сидели в возах, завернувшись в рогожи и одеяла, и все равно дрожали, носы у всех посинели. Кавалер невольно усмехнулся и подумал, что если бы святые отцы вылезли из телег и пошли за ними, как солдаты, таща на себе доспех и оружие, не влезшие в обоз, то, может, и не мерзли бы так. Нет, эти с места не сдвинутся: простые братья, может, так и сделали бы, но ехали не простые монахи.

В возах сидел Святой трибунал инквизиции славной земли Ланн и славной земли Фридланд.

И ехать им еще было до вечера, вряд ли дотемна успеют в Альк. Самому кавалеру дорога тоже давалась трудно, но не из-за холода — к нему и голоду за двадцать без малого лет солдатской жизни Волков привык. А вот рана, полученная летом в поединке с одним мерзавцем, так и не зажила до конца. Синее тугое пятно на левой ноге выше колена регулярно напоминало о себе. То ли от долгой дороги, то ли от холода ногу крутило и выворачивало. Боль была не сильной, но бесконечной. Начиналась она, как только он садился в седло, и медленно, будто холодное пламя, нарастала к концу дня, выматывая его до состо-

яния тупого отчаяния. Стыдно сказать, но прошлым вечером ему помогли слезть с коня слуга Ёган и юный оруженосец Максимилиан, а сам Волков едва мог наступить на ногу. И все — и солдаты, и монахи — это видели. Вот и сейчас, когда день уже покатился под гору, кавалер все растирал и растирал конечность, да без толку. Прекратить это мучение могла только одна девочка. Косоглазая и умная Агнес. Только она была способна наложить на больное место свои руки с некрасивыми ногтями и, пошептав что-то богомерзкое, отогнать боль, спрятать ее глубоко внутрь тела. Но она осталась в Ланне, кавалер не решился взять ее с собой сопровождать Святой трибунал, особенно после того, что увидел у нее на крестце под юбкой. А она бы сейчас оказалась очень кстати.

Волков вздохнул, съехал на обочину и остановил коня, жестом дал знак оруженосцу с его штандартом и слугам, Ёгану и Сычу, ехать дальше, а сам стал пропускать колонну вперед.

К нему подъехал Карл Брюнхвальд. Ротмистр глянул на кавалера и сразу догадался:

— Рана вас изводит?

Борода наполовину седая, виски тоже — не мальчик он, но двухильный какой-то. Без шапки, без перчаток. Под кирасой стеганка, и все. И холод ему нипочем. Только уши красные. И усталости ни капли.

— Нет, — соврал Волков, — рана ни при чем. Думаю, где вашим людям денег раздобыть, у меня нечем им платить. Только надежда на попов, что они найдут богатого колдуна.

— Мои люди в вас верят, говорят, Иероним Инквизитор удачлив. Значит, деньги найдет. — Брюнхвальд рассмеялся.

— Они меня зовут Иероним Инквизитор? — удивился Волков.

— Да, они же знают, что вы сожгли чернокнижника, который будил мертвецов в Фёренбурге. Так вас и зовут с тех пор Инквизитором. — Ротмистр чуть усмехнулся, наклонился к Волкову и добавил негромко: — А еще они говорят, что вы и сами знаете с колдовством.

— Что за дурь? С чего бы мне знаться с колдовством? — Кавалер даже опешил.

— Солдаты — люди простые, говорят, что не могли вы с людишками Пруффа одолеть самого Ливенбаха. Да еще богатств столько взять в городе. Не иначе как без магии не обошлось.

Волков даже перестал мерзнуть, смотрел на Брюнхвальда с каплей раздражения. И головой дернул, словно отгоняя что-то от лица. Глупость говорил ротмистр.

— Солдаты — люди простые, — продолжал Карл беззлобно, опять усмехаясь, — лично я так не думаю.

— Поторопите людей, — сухо произнес Волков, — нужно успеть дотемна в Альк.

— Да, ночевать в поле не хотелось бы. — Брюнхвальд прищипнул коня и поехал подгонять солдат.

А кавалер еще постоял на обочине, растирая больную ногу и думая, что правильно не взял с собой Агнес. Разговоры солдат ему очень не понравились.

А может, и зря не взял. На ветру ледяном еще и плечо левое заныло, он уж про него забывать стал, а тут на тебе. Эх, хорошо бы вернуться в Ланн, в теплый дом, под перины к Брунхильде. Да пока нельзя. Никак нельзя.

Альк показался огнями, когда уже темно стало. Хорошо, что постоялый двор находился на самом въезде в городок. Двор не имел названия, но был большим, все лошади и подводы без труда уместились. Ёган и Сыч снова помогали кавалеру слезть с коня. Опять все смотрели на это.

Опираясь на слугу, Волков прошел в трактир и там, у стола, разделся. Ёган нашел табурет для хозяина, чтобы тот мог снять сапог и положить на него ногу. Пришел брат Ипполит, принес попробовать новую мазь. Тут и хозяин трактира пожаловал: был он, видно, в отлучке, а увидав столько постояльцев, прибежал выяснять, кто главный и кто за всех будет платить. Звали хозяина Фридрих, и был это мужчина крупный и сильный; может, в городе и имел влияние, но Волкову он кланялся не очень учтиво, а святых отцов, что уселись за другой стол, так и вовсе не удостоил такой чести, только глянул на них мельком. Немудрено, они были в простом монашеском платье, не бог весть какие знатные попы.

— Господин мой, — начал Фридрих громогласно, — а что ж люди ваши, в конюшнях моих спать собираются, что ли?

Кавалер хотел ответить, что в покоях им спать дорого, но хозяин трактира продолжал:

— А лошади ваши на моем дворе стоять будут, платить за них вы собираетесь, а навоз кто станет убирать? И подводы ваши еще место всё заняли. И солдатня ваша костер жечь начнет, дрова у меня воровать, а то у кого же. Других-то дров тут нет. Как все это посчитаем?

Говорил он не то чтобы дерзко, но непочтительно, почти как с ровней.

Волков уже хотел осадить наглеца, да не успел, за него Ёган ответил: стал ровень с мужиком — он и сам был не меньше его, и молвил с ехидцей:

— Ты, дядя, прежде чем лай поднимать, хоть узнал бы, кто у тебя на дворе стоит, а то, не ровен час, в трибунал тебя потащат за грубость твою и неучтивость.

— Чего? — пробурчал хозяин трактира, но уже без прежней спеси.

— Чего-чего, того, — встрял в разговор Сыч, — перед тобой, дурья башка, сам кавалер Иероним Фолькоф, рыцарь божий, Хранитель Веры и охрана Святого трибунала инквизиции.

Если имя кавалера, может, и не произвело на трактирщика впечатления, то последние слова он явно отметил. Повернулся к столу, за которым сидели попы, и поклонился им — на этот раз так, как подобает, низко. Отец Николас благословил его святым знамением и улыбнулся благосклонно.

А отец Иона увидел мальчишку трактирного и поманил его к себе:

— Сын мой, а подай-ка нам колбасы, есть она у вас здесь?

— Есть, господа. Кровяная, ливерная и свиная, и сосиски есть. И бобы, и горох. Что нести вам?

— Вели повару, — говорил отец Иона, — пусть пожарит нам кровяной, нарежет кругами, и чтобы с луком жарил и его не жалел. И пиво принеси. И хлеба.

Тут к монахам подошел сам хозяин Фридрих, еще раз поклонился и сказал:

— А будет ли достойна святых отцов к их столу свиная голова, печенная с чесноком, мозгами и кислой капустой?

— Достойна, достойна, — кивал отец Иона, и остальные отцы вторили ему согласно. — Путникам в тяжком пути сие очень достойно и полезно.

— Сейчас подадим. И пива подадим самого темного, — обещал хозяин.

— Трактирщик, — окликнул его Ёган, — а господину моему надобно кресло, чтобы у очага сидеть.

— Сейчас вам принесут, — обещал Фридрих уже совсем другим тоном.

— И ванная на завтра, ему раны греть, — добавил брат Ипполит.

— А к креслу подушки ему дай, — добавил Ёган.

Хозяин поджал губы, но перечить не посмел, поклонился только.

У кавалера то ли от тепла, то ли от мази монаха, но начала сходить боль в ноге. А еще он порадовался, что не пришлось ругаться с трактирщиком самому, не ровня, чай. Пусть со слугами лается.

Волков сидел у очага, в кресле с подушками, и ужинал: еда была отличной, а пиво темным и крепким.

И тут, не дождавшись окончания его трапезы, подошел один из младших монахов-писцов и протянул бумагу:

— Вам, господин, завтра после рассвета нужно будет зачитать это на самом большом рынке и у самой главной церкви. А потом найти бургомистра или старосту и вытребовать нам просторное здание, и чтобы жаровни с дровами были. И дров побольше. Коли сами прочесть не сможете, я пойду с вами.

Волков вытер рот и руки салфеткой, бросил ее Ёгану, взял бумагу, пробежал ее быстро глазами и сказал:

— Нет нужды в тебе, сам справлюсь.

Монах пошел за свой стол есть свиную голову, а кавалер велел слуге:

— Пойду спать, помоги раздеться, а потом скажи трактирщику, чтобы будил нас на рассвете.

Морозным утром, сразу после рассвета, они приехали на рынок. Хоть и не дозволено решением магистрата верхом въезжать, никто не посмел их остановить — мало того, от бургомистра пришел мальчик с трубой и обещал, что бургомистр и сам явится. А потом стал что

есть сил дуть в трубу. И так звонко, что Сыч морщился, обзывал его дураком, а мальчишка не унимался, чтобы люди собрались.

И люди пришли, встали вокруг них и тихо переговаривались в ожидании плохих новостей. Тогда кавалер развернул бумагу и громко принялся читать:

— Честные люди Алька и гости, те, кто ходит к причастию и верит в непогрешимость Папы, я, рыцарь божий, Иероним Фолькоф, велением архиепископа Ланна, да продлит Господь его дни, прибыл сюда, чтобы сопровождать Святой трибунал инквизиции и карать ересь и колдовство. И говорю всем от лица Святого трибунала. Пусть те, кто знался с Сатаной, читал черные книги, ворожил во зло другим или себе в добро, и те, кто отринул от себя Святую Церковь нашу и впал в блуд реформации, придут до завтра, до конца обедни, к главному в городе храму Господню, и пусть расскаются. И тогда прощены будут. И легкой епитимьей искуплены будут. А коли они не придут и не расскаются сами, то взяты будут неласково и держать их станут в железе, и над ними учреждено будет расследование. И епитимья будет им нелегкой. Также! Коли честный человек города, кто ведает про тех, кто знает с Сатаной или чтит недобрые книги, ворожит и подлости праведным людям колдует, так пусть про того придет и скажет до конца обедни, что завтра. И тому будет десятина от имущества злого человека. Также! Кто скажет про того, кто хулу на Церковь и Папу говорил или подбивал на иконы плевать и не чтить святых отцов, кто других склонял к подлости и ереси, кто про такого скажет завтра до конца обедни, тому будет десятина от имущества злого человека. Да пусть так и будет от имени Господа.

Кавалер снял подшлемник и перекрестился. За ним крестились и Брюнхвальд, и Максимилиан, и Ёган, и Сыч, и даже мальчишка-трубач быстренько осенил себя знамением. А за ними стали повторять и все люди на рыночной площади, стягивая с голов уборы.

— Где у вас тут главная церковь? — спрашивал Ёган у ближайших мужиков. — Нам еще там читать надобно.

Те услужливо указывали нужную сторону и предлагали проводить.

Они поехали к церкви, а люди на рынке не расходились, с трепетом и благоговением говорили о трибунале, колдунах и еретиках. Стали вспоминать слова, что зачитал рыцарь божий, и о его щедрых

посулах, и думать, кто у них в городе есть такой, за кем трибунал мог приехать. Жители вели себя смиренно и чинно, не то что до приезда трибунала. Никто не лаялся, не грозился, и торговались все без ругани. Тихо стало на рынке.

У церкви читать сам бумагу Волков не стал, охрипнув еще на рынке, и отдал ее Максимилиану. Мальчишка передал штандарт кавалера Сычу, чтоб держал, сам взял бумагу и стал декламировать громко и звонко, да так, что люди выходили из храма смотреть, что происходит. Максимилиан уже дошел до посулов, когда кавалер увидал хлипкого человека в мехах, берете, черных чулках на худых ногах и дорогих туфлях — тот торопился к ним, скользя по льду. За ним, тоже скользя и чуть не падая, спешил второй, не такой богатый, с кипой бумаг и переносной чернильницей с перьями. Первый остановился в пяти шагах от всадников и кланялся, не зная, к кому обратиться.

— Что вам угодно? — спросил Волков, отвечая на поклон, но не так чтобы уж очень вежливо и с коня не слезая.

— Мое имя Гюнтериг, — заговорил человек в мехах, — я бургомистр и голова купеческой гильдии города Алька.

— Мое имя Фолькоф, я рыцарь божий и охрана Святого трибунала.

— Очень рад, очень рад, — кланялся снова бургомистр, но смотрел не в лицо рыцарю, а на коня, будто с ним разговаривал. — Я так понимаю, что вы сюда приехали чинить дознание.

— Да, и от вас нам потребуется место, и место хорошее, для проведения дознаний.

— А аренду... — начал было Гюнтериг.

— Нет. Никакой аренды Святая инквизиция не платит, — пресекал эти разговоры Волков. — Мало того, холодно у вас, потребуются жаровни и дрова. Дров нужно много. Святые отцы-комиссары не любят мерзнуть.

— Значит, и дрова за счет казны? — понимающе кивал бургомистр.

— Также нужно будет место в вашей тюрьме для задержанных и прокорм им. А еще палач и двое подручных.

— Все за счет города? — огорченно уточнил господин Гюнтериг.

— Все за счет города, — подтвердил кавалер. — Во всех тратах я подпишусь.

— Конечно, конечно, — снова кивал бургомистр.

— Господин, — вдруг заговорил его спутник, — дозвоьте сказать. Гюнтериг и кавалер устали на него в ожидании.

— Дозвоите сообщить, что палачей у нас сейчас нет. Один уехал сына женить в деревню, а второй лежит хворый уже месяц как.

— И что же делать? — сурово спросил Волков.

Бургомистр и его человек тихо посоветовались, и человек в мехах предложил:

— Жалованье нашим палачам сейчас не платится, мы на это жалованье попытаемся взять палачей из соседних городов.

К этому времени Максимилиан уже закончил чтение, и собравшиеся вокруг люди прислушивались к разговору городского головы и какого-то важного военного.

— Господин, — заговорил Сыч, — коли будет жалованье, то и искать никого не нужно, я сам поработаю за палача.

— А ты справишься? — спросил Волков.

Сыч только хмыкнул в ответ:

— Да уж не волнуйтесь, справлюсь с Божьей помощью. Хоть дело и непростое.

— Вот и хорошо, — обрадовался бургомистр. — И искать никого не нужно. А утром все будет готово. И дрова, и жаровни, и печи завезем.

— Вот и славно, — произнес Волков. — Только не забудьте, господин Гюнтериг, отцы-комиссары тепло любят, привезите дров побольше. Пусть будет воз.

Бургомистр и его спутник вздыхали, но кланялись низко. Кто ж захочет перечить Святому трибуналу.

ГЛАВА 2

Отец Иона совсем не походил на главу комиссии Святой Инквизиции. Прелат-комиссар разве такой должен быть? На лик добр, мягок в обхождении, а тучен настолько, что даже, когда садился в телегу, просил себе скамеечку, сначала лез на нее и уж потом падал или плюхался внутрь, а там долго ворочался, чтобы усесться, как подобает святому отцу. И вылезал потом тяжело, другие отцы тянули его за руки, при этом усилия прилагали видимые. На радость солдатам, которые на то прибегали смотреть.

— Два беса страшны мне, — жаловался отец Иона смиренно, — за них и спросит с меня Господь, и нечего мне будет ему ответить, потому как нет молитв у меня против этих двух злых бесов. Одного из них зовут Чревоугодие, а второго Гортанобесие.

Съесть отец Иона мог, как трое крепких людей. И оттого звучно и подолгу урчало чрево его, и иногда, не сдержавшись, неподобающе сану своему, так громко пускал он злого духа, что все слышали вокруг. От того и нахальники-солдаты за глаза прозвали его Отцом-бомбардой. Насмешники, поддцы.

Отец Иона страдал животом каждое утро и подолгу сидел в нужнике. Но все ждали его безропотно, ибо этот тучный монах был прелат-комиссаром Святого трибунала по всей земле Ланн и по земле Фринланд, а также и в выездных комиссиях по соседству во всех епископствах, которые своего трибунала не имели. Заслужил он большое уважение, так как за долгие годы служения своего отправил на костер сто двадцать шесть ведьм, колдунов и еретиков не раскаявшихся. А тех, кто покаялся и принял епитимью тяжкую и не очень, и не сосчитать было.

В то морозное утро Волков и люди его, как обычно, долго ждали, пока отец Иона облегчит себя от обузы чрева своего и сядет в телегу. И поехали они тогда к городскому складу, хранилищу, который купцы арендовали под ценный товар. Там и стены, и двери были крепки, и вода туда не попадала, и крыс не было, а на небольших окнах под потолком имелись железа от воров. С утра люди из магистрата растопили очаг, ставили там жаровни с углями, печи, и когда приехали святые отцы, то в помещении было уже не холодно.

— Лавки хорошие, — говорил отец Иона, оглядываясь.

— Хорошие, хорошие, — вторили ему отцы Иоганн и Николас.

— И столы неплохие, — продолжал осмотр отец Иона.

— Да-да, неплохие, ровные, струганные, писарям будет удобно, — соглашались монахи.

— И свечей хватает, и тепло, вроде всё хорошо, — резюмировал толстый монах. — Давайте, братья, рассаживаться.

Все монахи-комиссары уселись за большой стол, монахи-писари садились за столы меньшие.

— Братья мои, наверное, все поддержат меня, если я скажу, что бургомистр Гюнтериг честный человек и он старался для Святого трибунала.

— Да, мы видим его старания, — говорили монахи. — Честный человек, честный.

Бургомистр Гюнтериг кланялся чуть не до каменного пола.

— Ну что ж. Если до первого колокола заутрени никто с раскаянием не придет, — продолжал брат Иона, — инквизицию можно будет начинать.

— Так был уже колокол, — напомнил брат Иоганн. — Еще как мы сюда приехали, уже колокол был.

— Братья, так кто у нас в этом городе? — вопрошал прелат-комиссар.

Один из писарей вскочил и принес ему бумагу.

— Так, — начал он, изучая ее. — Гертруда Вайс. Вдова. Хозяйка сыроварни. Есть у вас такая, господин бургомистр?

— Вдова Вайс? — искренне удивился Гюнтериг. — Неужто она ведьма?

— А для того мы и приехали, чтобы узнать, на то мы и инквизиция. В бумаге писано, что вдова эта губит у людей скот, наговаривает болезни детям и привораживает чужих мужей.

Бургомистр, может, и хотел что-то возразить, да не стал. Удивлялся только, глаза в сторону отводил.

— Господин кавалер, — резюмировал отец Иона, — коли не пришла она сама с покаянием, так ступайте вы за вдовой Вайс. Приведите ее сюда.

Волков только поклонился и пошел на выход.

Во дворе было прибрано, пахло молодым сыром. Женщина говорила с батраком и замерла, замолчала на полуслове, когда увидела входивших кавалера и солдат. Вдова была немолода, лет тридцать пять или около того, чиста одеждой, не костлява и очень миловидна. Чепец белоснежный, фартук свежий, чистое, доброе платье и, несмотря на холод, по локоть голые, красивые руки.

Глаза серые, большие, испуганы, лицо побелело.

— Ты ли Гертруда Вайс? — спросил кавалер, оглядываясь вокруг.

— О, Дева Мария, мать Божья, — залепетала женщина, — добрый господин, зачем вы спрашиваете?

— Отвечай, — Волков был холоден. — Ты ли Гертруда Вайс?

— Да, добрый господин, это я, — медленно произнесла вдова. — Но что же вам нужно от меня?

— Именем Святого трибунала я тебя арестовываю. — Кавалер дал знак солдатам: — Возьмите ее. Только ласково.

Двое солдат с сержантом подошли, вязли ее под руки, повели к выходу со двора, а женщина лепетала, все пыталась сказать кавалеру:

— Да отчего же мне идти с вами? Добрый господин, у меня сыры, куда же я. У меня сыновья. — Она не рыдала, говорила спокойно вроде, только по лицу ее текли слезы, и была она удивлена. — Коровы у меня.

Волков глядел на нее и вспоминал ведьму из Рютте, страшную и сильную: когда та говорила, крепкие мужи в коленях слабели. Железа каленого не боялась, смеялась ему в лицо. А эта... Разве ж она ведьма? Эта была похожа на простую перепуганную женщину.